

«О СБОРНИКЕ «ЧАША ЖИЗНИ»»

...Ce sentiment de la nature je le remarque aussi chez M. Ivan Bounine. Il se mêle intimement aux récits qu'il nous offre sous le titre «Le Calice de la Vie» qui est celui du premier conte du recueil et l'un des plus saisissants en sa rigoureuse âpreté. Nous y trouvons également «Le Berger» et l'étonnant récit qui s'appelle «Au Pays des Morts», où l'art de M. Bounine, en ses concises profondeurs, en sa force évocatrice, en sa mystérieuse et subtile puissance, apparaît avec toute sa maîtrise. M. Ivan Bounine a l'imagination pessimiste et il observe les êtres avec une ironie compréhensive (...) Certes, les hommes ne sont ni beaux, ni bons, mais autour d'eux n'y a-t-il pas la beauté des choses? Il y a les arbres et les fleurs, le ciel et la lumière, les eaux qui coulent, les nuages qui passent; il y a les saisons: le printemps avec ses renouveaux, l'automne avec ses déclin, l'été avec ses plénitudes, il y a l'hiver avec ses neiges infinies, avec la contraction crispée de ses gels, avec ses brèves journées et ses longues nuits toutes scintillantes d'étoiles glaciales, ces nuits ténébreuses et endiamantées où le froid est une présence et une odeur, et dont M. Bounine arrive à nous donner l'impression exacte, la sensation matérielle.

A cette compréhension de la nature M. Bounine joint une amère et perspicace science de l'homme.

Перевод:

...Это чувство природы я замечаю также у г. Бунина. Им глубоко проникнуты рассказы, вошедшие в сборник «Чаша жизни», получивший название по первому и одному из наиболее впечатляющих своей суровой горечью рассказов. Мы находим здесь также «Пастуха» и удивительный рассказ «В стране мертвых»¹, где искусство г. Бунина с его насыщенностью и глубиной, с его изобразительной мощью, с его таинственной и неуловимой властью проявляется во всем блеске мастерства. Воображение Бунина окрашено пессимизмом, он наблюдает жизнь со всепонимающей иронией (...) Да, в людях нет ни красоты, ни добра, но разве в мире, их окружающем, нет ничего прекрасного? Ведь есть деревья и цветы, небо и солнечный свет, струящиеся воды, плывущие облака; есть времена года — весна с ее вечным обновлением, осень с ее увяданием, лето с его изобилием, зима с ее бесконечными снегами, сковывающей стужей, с ее короткими днями и долгими ночами, в которых сверкают ледяные звезды, — с этими темными алмазными ночами, когда мороз обретает плоть и запах; все это в передаче г. Бунина становится для нас реальностью, физически ощутимой.

Это проникновение в мир природы г. Бунин сочетает с горестным и пронизательным знанием человека.

«Figaro», 1 августа 1924 г.

III

ИЗ «ПАРИЖСКОГО ОТЧЕТА» ТОМАСА МАННА 1926

Сообщение А. К. Бабореко

В январе 1926 г. Томас Манн приехал в Париж по приглашению группы французской интеллигенции. Здесь, на литературном завтраке у Льва Шестова, произошла его встреча с Буниным, которую он описал в дневнике своей поездки, озаглавленном

¹ Под названием «Le Berger» («Пастух») и «Au Pays des Morts» («В стране мертвых») в сборнике «Le Calice de la vie» (Paris, 1924) были напечатаны рассказ «Игнат» и часть очерков из цикла «Тень птицы».

на все языки. Во французском переводе он сохранил полностью свою захватывающую силу, так же, как и «Деревня» — этот необычайно скорбный роман из крестьянской жизни. Бунин именно таков, каким я его себе представлял: среднего роста, бритый, с резкими чертами лица, он производит впечатление человека скорее замкнутого, чем разговорчивого. Разумеется, он пресытился похвалами «Господину из Сан-Франциско». Он охотнее услышал бы что-нибудь о «Митиной любви», и, по правде сказать, мне не нужно было себя принуждать, чтобы выразить восхищение ее проникновенностью, потому что и в ней сказалась несравненная эпическая традиция и культура его страны...

IV

БУНИН В СПОРЕ С АНДРЕ ЖИДОМ

Предисловие Т. Л. Мотылевой

Публикация А. К. Бабореко*

Письмо Андре Жида к Бунину, как и страницы его дневника, где упоминается Бунин, представляют интерес вовсе не просто как свидетельство уважения знаменитого французского писателя к его русскому сверстнику и собрату. Самое примечательное в этих документах — отголоски литературного спора, носящего принципиальный характер.

«В ходе беседы, — вспоминает А. Жид в письме к Бунину, — мы обнаруживали, что не согласны друг с другом ни в чем, абсолютно ни в чем... Наши литературные вкусы, наши пристрастия, наши суждения расходились во всем — как в том, что мы одобряли, так и в том, что мы осуждали». В дневнике А. Жида от 28 августа 1941 г. о сути этих разногласий говорится более конкретно: «Его преклонение перед Толстым непонятно мне так же, как его пренебрежение к Достоевскому, Щедрину, Сологубу. У нас с ним нет общих святых, общих богов — это ясно». Ни к Щедрину, ни к Сологубу А. Жид, насколько известно, не проявлял особого интереса. Зато перед Достоевским он преклонялся — по-своему с неменьшей искренностью и постоянством, чем Бунин — перед Толстым. Очевидно, что каждый из участников спора воспринимал и истолковывал своего любимого русского классика своеобразно, во многом субъективно, — у А. Жида был «свой» Достоевский, так же как у Бунина был «свой» Толстой.

Бунин горячо любил Толстого — как художника и человека. Социальная проблематика толстовского реализма, его обличительная сила остались в значительной мере недоступной и чуждой Бунину; в разработке народной, крестьянской темы он шел своими, очень отличными от Толстого путями. Но Бунина покорила нравственная высота Толстого как мыслителя и проповедника и вместе с тем — пластичность, изобразительная мощь толстовского искусства. Преемственная связь с Толстым сказалась в ряде произведений Бунина (особенно в «Господине из Сан-Франциско»), что не раз отмечалось исследователями.

К Достоевскому Бунин относился совершенно иначе, — отчужденно, критически (см. настоящ. кн., стр. 272, 274—275, 278).

В статье «На поучение молодым писателям», опубликованной в 1928 г., Бунин энергично взял под защиту реалистические традиции Толстого. Он вступил в полемику с критиком Г. Адамовичем, который упрекал литераторов, старающихся учиться у Толстого, в чрезмерном пристрастии к бытовизму, к «внешней изобразительности». Адамович призывал писателей отойти от воспроизведения «внешнего мира», повернуться к «миру внутреннему» в его движении и изменчивости. Возражая ему, Бунин саркастически спрашивал:

«Это очень приятно слышать, но кто же это когда отрицал? А потом — что же делать и с этим внутренним миром, без изобразительности, если хочешь его как-то показать, рассказать? Как его описать без описательства? Одними восклицаниями? Нецензораздельными звуками?»

* Перевод публикуемых ниже текстов из дневника Андре Жида и его письма Бунину выполнен редакцией «Литературного наследства».